

Дж. Дьюи

Впечатления о Советской России

Перевод выполнен по изданию: John Dewey: Impression of Soviet Russia and the Revolutionary World, New Republic. N. Y., 1929. P. 2-133.

1. Ленинград дает ключ к разгадке

Переименование Петрограда в Ленинград, несомненно, является символом, но символом чего — здесь ум теряется в догадках. Иногда оно кажется символом конца, неким полным переселением душ. Временами оно наполняется какой-то язвительной иронией. В самом деле, можно вообразить, как враг нынешнего режима нашел бы злобное удовлетворение в том, что этот запущенный, обтрепанный город окрещен именем Ленина. Его приходящий в упадок, несущий на себе печать разложения, вид был бы для него самым красноречивым комментарием к претензиям большевиков на провозглашение нового и лучшего мира. Но понимаешь и то, что город не просто нес на себе имя Петра, энергией и волей которого он был вызван к жизни. Все в городе говорит о его творческой неуспокоенности. Возможно, царь Петр и в самом деле был, как его часто теперь называют, Первым Большевиком, а Ленин — его подлинным преемником и наследником.

Как бы то ни было, несмотря на неряшливость города, чьи украшенные лепкой стены с облупившейся краской, — не более, чем превратившееся в лохмотья великолепное платье, возникает впечатление движения, жизни, энергии. Люди выглядят так, словно с них сброшен какой-то тяжелый, давящий груз, словно они вновь осознали в себе освобожденные силы. Мне рассказывали, что Анатолий Франс, приехав в Россию, отказался собирать статистические дан

ные, исследовать «условия». Он просто ходил по улицам, чтобы составить свои представления, наблюдая за лицами и жестами людей. Поскольку я никогда не был в России, мне не с чем было сравнивать увиденное. Однако я видел простых людей в других странах, и невозможно было поверить, что это невольно передающееся ощущение новой жизни было иллюзией. Я склонен доверять тому, что я читал о России: что здесь огромное множество мужчин и женщин живут в безысходной и подавляющей нищете, а многие тысячи — в ссылке. Но множество людей, гуляющих по улицам, собирающихся в парках, клубах, театрах, посещающих музеи, — это тоже реальность, точно такая же, как и их непокоренный, независимый вид. Невольно возникает мысль о том, что первая реальность принадлежит прошлому как частное явление революции, а вторая — настоящему и будущему как сущность Революции с ее освобождением отваги, энергии и уверенности в жизни.

В первые дни моего пребывания в Ленинграде я был захвачен вихрем впечатлений. Привыкание было трудным: я постоянно пребывал в состоянии какого-то ошеломления. Но постепенно сложилось вполне определенное ощущение, которое больше не покидало меня и полностью подтвердилось последующими впечатлениями. Вообще я слишком много слышал о коммунизме, Третьем Интернационале и в сущности слишком мало о самой Революции, и слишком много о большевиках, при всем том, что последняя революция была совершена по их инициативе. Теперь-то я понимаю, что любой школьник, изучающий историю, должен знать, что силы, высвобождаемые революцией, не являются функцией (в любом математическом смысле) усилий, и еще меньше мнений и надежд тех, кто приводит в движение локомотив событий. Раздраженный тем, что я не учел эту очевидную историческую истину, разбираясь в событиях, происходящих в России, я сваливал свою вину за их неверное истолкование на других: я возмущался приверженцами и апологетами, так же как и критиками и врагами большевизма и коммунизма, которые своими бесконечными разговорами и писаниями о них дезориентировали меня, оставив в полном неведении относительно одного из наиболее основополагающих фактов революции, на который они намекали, но о котором почти ничего не говорили, называя его скорее психологическим и нравственным, нежели чем просто политическим и экономическим: революцию в отношении людей к нуждам и возможностям жизни. В этой реакции я, возможно, склонен недооценивать важность теорий и ожиданий, которые, очевидно, нажали на спусковой крючок и освободили сдерживаемые силы.

Я все еще с трудом пытаюсь сформулировать точное значение коммунистической формулы и большевистских идеалов в современной жизни страны: но я склонен полагать, что не только нынешнее состояние коммунизма (т.е. его не-существования в любом буквальном смысле), но даже и его будущее имеет меньшее значение, освобождения людей к самосознанию как определяющей силы в формировании их конечной судьбы.

Такое заключение может показаться абсурдным. Оно действительно противоречит как тем, для кого марксистская ортодоксия составляет все значение Русской революции, так и тем, кто усвоил традиционное представление о большевистской России. Однако никоим образом не желая умалить значение судьбы большевистского марксизма для России и всего мира, я твердо убежден, что эта фаза событий вторична по отношению к чему-то другому, что только и может быть названо революцией. То, что существующее положение вещей не есть коммунизм, а только переход к нему; то, что диктатура пролетариата есть лишь аспект классовой борьбы, антитезис к тезису диктатуры буржуазного капитализма, существующего в других странах; то, что она обречена на исчезновение в новом синтезе, — это говорят нам и сами коммунисты. Нынешнее состояние — состояние перехода, этот факт столь очевиден, что нетрудно с ним согласиться. То, что это с необходимостью является состоянием перехода к точной цели, намеченной марксистской философией истории — есть ни что иное, как догмат, который перед лицом новых, пробудившихся к жизни сил, начинает отдавать устаревшей, избитой абсолютистской метафизикой и изжившими себя теориями «прямой линии» и «однонаправленной «эволюции»».

Но есть еще одно впечатление, пожалуй, более яркое и выразительное. Конечно, можно предварить, что коммунизм в какой-либо форме может быть смыслом нынешнего «перехода», сколь бы ни были незначительны свидетельства его действительного существования. Но невольно возникает такое чувство, что если коммунизм вообще когда-нибудь возникнет, то не в силу реализации выработанной и превращенной ныне в стереотип формулы марксистской философии, а в силу того, что нечто подобное ему созвучно людям, которых революция пробудила к осознанию самих себя, и он будет создан именно в той форме, которая будет продиктована их собственными желаниями. И если он потерпит неудачу, то это произойдет потому, что пробужденные революцией силы слишком стихийны и неуправляемы, чтобы приспособиться к формуле, созданной на основе теоретичес

ких положений, которые к данной ситуации не имеют непосредственного отношения, кроме одного, возможно, обладающего безусловным значением, — положения о необходимом «законе» исторического изменения.

В любом случае коммунизм, если судить по тем впечатлениям, которые оставляет Ленинград, расположен в весьма отдаленном будущем. И не потому, что нынешние руководители рассматривают современную ситуацию как лишь первый шаг к нему, а потому, что в экономике преобладает товарно-денежная система во всех ее проявлениях. Мы нередко размышляли над тем, какими бы были наши впечатления, если бы мы приехали в Ленинград, ничего не зная о свершившихся там событиях и не строя никаких прогнозов относительно его современного экономического положения. Конечно, нельзя было полностью лишиться себя уже имевшихся предположений, чтобы ответить на все вопросы. И тем не менее я почувствовал, что по сравнению с действительным психологическим и нравственным отличием сложившейся здесь ситуации от ситуации во всем остальном мире, экономическое положение мало чем отличается от положения в любой европейской стране, не возродившейся от обнищания — следствия международной и гражданской войны, блокады и голода.

Первым впечатлением было впечатление бедности, но не в смысле непосредственной нужды. Это было скорее ощущение того, что все одинаково бедны, как будто бы коммунизм состоял в том, что все разделяют какую-то общую долю. Однако потребовалось не так много времени, чтобы глаз начал различать и существенные отличия. По одежде и манере держаться без труда можно выделить по крайней мере четыре класса или разряда, которые встречаются в любом крупном городе мира. Правда, крайности не так ярко обозначены, особенно на полюсах роскоши и крайней бедности. Классы сливаются друг с другом в гораздо большей степени, чем, скажем, в Нью-Йорке или Лондоне. Но различия все-таки явно присутствуют. Возле некоторых магазинов стоят длинные очереди, особенно возле тех, где продаются продовольственные товары, но нигде нет признаков отчаяния. Люди хорошо выглядят. Театры, рестораны, парки, места для развлечений, стоят не дешево, вместе с тем заполнены людьми. В витринах магазинов множество товаров, которые можно увидеть повсюду, хотя их качество больше ассоциируется с дешевыми распродажами. Детские игрушки и недорогие украшения привлекают, как и везде, большие толпы народа. Вероятно, все имеющиеся день

ги, — а я уже говорил о том, что в стране если не в количественном, то в качественном отношении существует чисто денежная экономика, находятся в свободном обращении.

Я ограничился впечатлениями первых дней, по крайней мере теми из них, которые были углублены и подкреплены последующими событиями, впечатлениями, возникшими сразу и непосредственно без влияния каких-то вопросов, объяснений и обсуждений. Специальные знания, полученные позже в результате более определенного и целенаправленного исследования, предстали из этих первых впечатлений в ином свете. Скажем, стало известно, что люди свободно тратят деньги на развлечения и необходимые для себя вещи по той главной причине, что весь политический контроль в стране направлен против личных накоплений, что деньги считаются средством сиюминутного удовольствия, а не орудием будущего действия. Аналогичным образом, если уйти от поверхностного восприятия, то первое впечатление сходства экономической системы России с экономикой любой другой страны, разоренной войной, меняется под воздействием того знания, что хотя существующий строй является капиталистическим, это скорее государственный, нежели частный капитализм. Однако эти последующие изменения во взглядах не перечеркнули первые впечатления, а, пожалуй, способствовали их превращению в устойчивые представления. В конечном итоге во мне произошла вполне определенная и полная перемена в ранее сложившихся мнениях и предубеждениях. На первый план выдвинулось ощущение огромной человеческой революции, которая принесла с собой, а точнее, сама стала гигантским взрывом жизненной силы, отваги, уверенности в жизни, а представление о том, что революция является по своей сути экономической и промышленной, ушло на задний план, и не потому, что с этой точки зрения она, несмотря на свои успехи, не имеет никакого значения, а потому, что оказалась не столько причиной человеческой, психологической революции, сколько ее побочным продуктом. Возможно, дома я не смог прийти к этим выводам по причине собственной недалекости, хотя, если оглядываться назад и рассматривать все происходящее в свете истории, то такой вывод представляется наиболее очевидным. Но поскольку шумиха вокруг экономики, поднимаемая, как я уже сказал, и защитниками и противниками большевизма, может ввести в заблуждение других, как это произошло со мной, лучшее, что я могу сделать, — это передать собственное впечатление, столь же ошеломляющее, сколь и неожиданное, что самым выдающимся фактом в

России является революция, высвободившая человеческие силы в таких беспрецедентных масштабах, что это делает ее событием исключительного значения не только для страны, но и для всего мира*.

II. Страна в постоянном движении

В своей первой статье я попытался передать то общее чувство, которое возникло у меня при встрече с жизнью в России, какой я увидел ее в Ленинграде. Вероятно, было бы проще (и, возможно, поучительнее) отказаться от попытки передать некое единственное, всеобъемлющее впечатление, а постараться последовательно зафиксировать все мысли и эмоции, возникающие в ходе тех или иных встреч. Но выполнение этой задачи осложнилось тем, что кратковременность пребывания в стране, отсутствие широких контактов и незнание языка не позволяли получить достаточно точной информации. Сколько людей, с которыми общаешься, столько и мнений, даже о вещах, которые кажутся вполне очевидными, или, напротив, сталкиваешься с весьма уклончивыми ответами. (По какой-то причине это последнее наблюдение более характерно для ленинградских впечатлений, нежели для московских. Некоторые вещи, о которых в Ленинграде говорили только шепотом, объявлялись в Москве во всеулышание, а атмосфера умолчания сменилась там открытыми дискуссиями. Не знаю почему так сложилось, но возможно, что пелена прошлого с его безжалостностью и беспощадностью все еще висит над одним городом, в то время как энергия, устремленная в будущее, сконцентрировалась в другом.)

Например, хотя интересуешься не только экономическими условиями в стране, все равно возникает естественное любопытство, как обстоят дела в этой области и появляется множество вопросов. Здесь много магазинов, продающих покупателям товары на все вкусы и за деньги, и извлекаемая прибыль имеет такое же значение, как в любом магазине в любой другой части мира. Интересно, как они снабжаются и управляются? Сколько из них государственных, сколь

* Комментарии, появившиеся после опубликования этих строк, показали мне, что мои замечания относительно второстепенного характера экономической фазы революции, слишком огульные. Пожалуй, не стоило так сразу заявлять, что политический аспект экономической революции, поднимающей людей труда, особенно промышленных рабочих, с самой низшей ступени социальной лестницы на ее верх, является лишь одним из составляющих факторов психологической и нравственной трансформации. (Примечание было добавлено при переиздании.)

ко кооперативных, и каковы взаимоотношения кооперативов и государства? Как обеспечивается их честная подотчетность обществу? Какими способами привлекает государство предпринимателей на свою сторону? Вопросы кажутся вполне естественными и невинными. Но оказалось не так-то легко найти на них ответы, либо те ответы, которые мы получали, просто не согласовывались друг с другом. Частично этому можно дать весьма простое объяснение: как правило, я не обращался к людям, хорошо информированным по данным проблемам, а каждый путешественник знает, как легко в любой точке мира набрать неверную информацию. Существует еще одна причина, которая представляется мне чрезвычайно важной и которую следует знать и принимать во внимание, пытаясь оценивать события в России. Ее можно проиллюстрировать ответом на вопрос о кооперативных магазинах, который я там часто получал. Мне говорили, что фактически они являются государственными магазинами, но под другим названием. Позже, получив доступ к авторитетным источникам, я выяснил, что дело обстоит как раз наоборот: кооперативное движение не только выросло в восемь раз со времени его многообещающего зарождения накануне мировой войны, но и совершенно автономно и управляется по классическому рочдельскому типу*. Возможно, что с иной точки зрения, отличной от той, что сложилась у меня за время моего пребывания в России, любое сообщение о развитии и перспективах кооперативных предприятий в стране было куда более значительным и весомым, чем то, о чем мне приходится говорить. Я не экономист и, обращаясь к данному вопросу, я не ставил себе целью дать экономическую информацию. Но я извлек из своего опыта (который в этом отношении можно считать типичным для целого ряда аналогичных ситуаций) вывод о необходимости точно указывать дату того или иного суждения о положении в Советской России, поскольку есть все основания верить, что та неточная информация, которую я получил о статусе кооперативных предприятий, подавалась мне совершенно искренне, но была основана на представлениях об условиях их деятельности, существовавших несколько лет назад. Действительно, было время, когда вся промышленная структура России была настолько дезорганизована мировой войной, блокадой и гражданской войной, что правительство практически полностью взяло на себя управление кооперативами. (Но важно знать, что даже в тот период кооперативы ревностно охраняли

* Это относится к управлению внутри кооперативов. Общий же контроль над ценами находится, конечно, в руках правительства.

свою независимость, формально голосуя за меры, предпринимаемые правительством как если бы это были их собственные решения.) Положение дел давно изменилось: свободное и управляемое демократическими методами кооперативное движение обрело новую жизнеспособность, подчиняясь, конечно, контролю над ценами со стороны государства. Но представления и убеждения, сформировавшиеся в тот период, получили широкое распространение и существуют до сих пор. Если бы я не был уверен в том, что описанный случай типичен, причем типичен настолько, что большая часть информации о Советской России фактически является всего лишь воспоминаниями о тех ситуациях, которые когда-то имели место, то я не стал бы так подробно об этом писать.

Необходимость точного указания времени появления каждого высказывания о положении в России, если стремиться иметь какой-то критерий их оценки, является свидетельством наиболее широко распространенного факта или силы (а она гораздо важнее большинства так называемых «фактов», даже если они действительно факты), указывающих на ту степень постоянного движения, стремительного изменения, колебания, в котором находится Россия. Если бы я больше ничего не узнал, то по крайней мере я научился бы относиться с исключительной подозрительностью ко всем общим рассуждениям о России. Даже если они полностью соответствуют положению дел в 1922 или 1926 году, они могут уже не иметь никакого отношения к 1928 и, возможно, приобрести лишь антикварное значение к 1933 году. Как часто объясняли мне иностранцы, живущие в стране, в решении своих внутренних проблем Россия кое-как сводит концы с концами. Только во внешней политике наблюдается какая-то последовательность и целостность. В устах тех, кто с симпатией и пониманием относится ко всему происходящему в России, это звучит похвалой, ибо постоянное движение является признаком того, что люди, занимающиеся управлением страной, реалистически смотрят на вещи и стремятся приспособиться к существующим условиям и потребностям. Для тех, кто питает неприязненное отношение, это утверждение является свидетельством недееспособности руководства, которое не имеет своей определенной позиции даже по самым важным вопросам. Но как ни интерпретировать факт постоянного изменения, с одобрением или нет, он очевиден и значителен. Поскольку представления (которые, признаюсь, я сам разделял до моей поездки) о косности и неизменности положения в России широко распространены, я счел необходимым сделать максимальный акцент на этом факте постоянного изменения и движения.

Мое мнение относительно жесткости положения в России оказалось наиболее противоречащим фактам, но далеко не единственным. Есть и другие мнения, которые, к счастью, я не разделял и которые после моей поездки кажутся еще более абсурдными. Одно из них заключено в вопросе, который мне часто задавали до и после поездки: как наша группа отважилась поехать в Россию? Можно подумать, что жизнь там совершенно дикая, беспорядочная и небезопасная. С интеллигентными людьми вроде бы неловко говорить об этом представлении, но оно настолько распространено, что я уверен, мое свидетельство в пользу упорядоченной и безопасной жизни в России будет встречено с недоверием доброй половиной европейской и американской публики. Несмотря на секретную полицию, судебные следствия, аресты, переселение нэпманов и кулаков, ссылку противников партии, включая оппозиционеров из ее собственных рядов, для широких масс жизнь течет упорядоченно, спокойно и благопристойно. Если бы я желал навлечь на себя негодования, я бы назвал целый ряд стран в Восточной Европе, путешествие по которым вызывает гораздо большее раздражение. Пожалуй, в Европе нет другой такой страны, где внешнее течение жизни было бы столь прочным и спокойным. Даже беспризорники, — излюбленная тема многочисленных рассказов о России — куда-то подевались с улиц больших городов.

И еще одно напутствие кажется сегодня совершенно юмористическим: наши добрые друзья часто уверяли, что нас обманут, обещая показать достопримечательности. Конечно, трудно, живя в одной обстановке, воображать нечто о положении в далекой и незнакомой стране, но сейчас мне кажется, что вовсе не надо обладать богатым воображением, чтобы понять: русские сами без особых хлопот могут организовать показ достопримечательностей и произвести впечатление на несколько сотен или тысяч иностранных туристов. Те места, которые нам «показывали», а Ленинградское общество культурных связей подготовило чрезвычайно интересную программу, — были действительно достопримечательностями в том смысле, что они были достойны того, чтобы их показать. Я надеюсь, что они были лучшими в своем роде представителями того, что пытается делать новый режим. Посредственность же есть повсюду и не надо путешествовать за тысячу миль, чтобы ее увидеть. Но она существует как бы сама по себе, либо в силу исторических условий, подобно старым дворцам и сокровищам, либо в силу необходимости. Некоторые дома отдыха для рабочих на одном из островов на Неве имеют весьма небрежный вид: старые дворцовые постройки, используемые под лет

ний рабочий клуб, кажется, не выполняют никаких активных функций. Разрекламированная «стенная газета», когда перевели ее содержание, оказалась больше похожей на то, что в другом месте назвали бы менее амбиозно доской объявлений. Но подобные эпизоды лишь ярче высвечивали жизнеспособность других организаций и веселую непосредственность «стенных газет» в детских домах и колониях.

Из всех «достопримечательностей», содержащихся в программе, одно произвело наиболее глубокое впечатление. Это посещение детской колонии в бывшем летнем дворце Великого князя в Петергофе, что вверх по Неве от Ленинграда. Именно в этом месте белогвардейские армии ближе всего подошли к Ленинграду. Здания местами разрушены во время военных действий и до сих пор полностью не восстановлены, поскольку этим занимаются только сами дети и их учителя, некоторые части колонии нуждались в горячей воде и побелке. Две трети детей, живущих здесь, — бывшие беспризорники, сироты, беженцы, подобранные прямо на улицах. В существовании таких сиротских приютов нет ничего удивительного или уникального. Я не рассматриваю их как свидетельство какой-то особой заботы большевистского правительства о детях. Скорее как свидетельство врожденного качества русских, оно производит гораздо большее впечатление, чем я могу выразить словами. Нигде в мире я не видел так много разумных, счастливых, умно занятых делом детей. Их не выстраивали для инспекций. Мы ходили по территории колонии и повсюду находили их занимающимися различными летними делами — садоводством, пчеловодством, ремонтом зданий, теплицей для цветов (ее построили и сейчас работают в ней самые трудные ребята, которые разрушали все, что попадало им под руку), изготовлением несложных инструментов и сельскохозяйственных орудий и т.д. На меня произвело впечатление не столько то, что они делали, сколько их поведение, отношение ко всему происходящему, — я не могу его передать, просто не хватает литературного мастерства, но впечатление сохранится навсегда. Даже если дети самые благополучные, картина все равно была бы замечательной, ибо ни с чем подобным я еще не сталкивался. Когда же я узнал почти невероятные и невообразимые истории их прежней жизни, я проникся глубочайшим восхищением способностями народа, из которого они вышли и их непоколебимой уверенностью в том, что они смогут выполнить задуманное. Я полностью отдаю себе отчет в несоответствии между широтой моих обобщений и ограниченностью опыта, на котором они основываются. Но этот опыт не был единственным в своем роде, поскольку он подтверждался, хотя, может быть, не столь полно, в каждом детском

и юношеском учреждении, которые я посетил. Во всяком случае, я должен был высказать эту мысль. В ней, на первый взгляд, звучит преувеличение, но оно должно по крайней мере свидетельствовать о глубине моего впечатления от присущих русским людям способностей, от освободительной силы Революции, от разумности и сочувствия, самыми мудрыми и преданными делу мужчинами и женщинами, каких мне только посчастливилось встретить в жизни, от новых условий для образования и воспитания».

Поскольку я опираюсь лишь на непосредственные впечатления, а не результаты систематического исследования, я закончу свой рассказ, выбрав еще два из них», возникших независимо от официальной программы. В течение нескольких дней отдыха накануне приезда в Ленинград группы наших коллег из Америки мы провели немало часов в Эрмитаже. Об этой европейской сокровищнице нет необходимости подробно говорить. Но нельзя не сказать о людях, посещающих музей, — крестьянах, рабочих, взрослых, которых здесь больше, чем молодежи. Они приходят сюда группами от тридцати до пятидесяти человек во главе с энергичным и живым экскурсоводом. Каждый день мы видели двадцать-тридцать таких групп. Ничего подобного невозможно встретить ни в одной стране мира. И это не единичное явление. Оно повторялось в каждом посещаемом нами музее, будь то художественный, научный или исторический. Вопрос, возникший у меня в первый же день, самый важный из всех и раньше не приходивший мне в голову: а была ли вообще Революция?, со временем превратился в навязчивую идею. Может быть, из всего того, что происходит сейчас в России, главное — не попытка экономических преобразований, а стремление использовать эти экономические изменения в качестве средства для развития культуры народа, особенно эстетической, в таких масштабах, каких мир еще не знал.

Легко вообразить недоверие, которое может вызвать это утверждение в головах тех, кого кормят только рассказами о разрушительной деятельности большевиков. Но я обязан честно описать крах расхожих представлений иностранца, имевший место в случае со мной. Эта борьба за воспитание и образование может закончиться неудачей; ей приходится сталкиваться с огромными препятствиями; и она слишком подвержена пропагандистским тенденциям. Но, по моему мнению, эти последние тенденции начнут отмирать по мере того, как Советская Россия будет чувствовать себя все более свободной и уверенной в реализации своего предназначения. Как бы то ни было, эта главная попытка благородна и героична и свидетельствует о такой демократической вере в человеческую природу, с которой не могут сравниться самые амбициозные претензии демократий прошлого.

Скажу еще об одном впечатлении, которое я вынес из посещения народного Дома культуры. Это новое чудесное здание в рабочем квартале, окруженное спортивными площадками. В нем расположены театр, четыре актовых зала, полсотни комнат для клубов, отдыха, игр, помещения для руководства профсоюзов. Стоит он два миллиона долларов. Ежедневно в вечернее время его посещает в среднем около пяти тысяч человек. Возможно, вы подумали, что дом культуры построен и контролируется правительством? Ничего подобного. Он создан добровольными усилиями профсоюзов, члены которых отчисляют два процента заработной платы на его содержание, и здесь протекает их коллективная жизнь. Обслуживающий и управленческий персонал выбирается самими членами профсоюзов. Контраст увиденного в Ленинграде с бездеятельностью наших рабочих и квазифилантропическим характером аналогичных заведений в моей стране оставил неприятный осадок. Правда и то, что этот Дом культуры, а в Ленинграде есть еще один, не имеет внутренней связи с коммунистической теорией и практикой. Подобный Дом культуры *может* существовать в любом крупном индустриальном центре. Но факт остается фактом: таких Домов культуры *нет* ни в одном даже более высокоразвитом индустриальном центре. Он есть в Ленинграде, но такого нет в Чикаго или Нью-Йорке, и он существует в обществе, которое, как считается, жестко управляется государством на основе догматической теории, и является свидетельством жизнеспособности организованной добровольной инициативы и совместных усилий. Что это все значит? Если бы я знал ответ, то, возможно, у меня был бы ключ к пониманию того, что происходит сейчас в Советской России.

III. Сотворение нового мира

В Ленинграде часто можно услышать две вещи. Первая — что этот город является в большей степени форпостом Европы, нежели чисто русским порождением; вторая — что именно Москва является истинно Русским городом и наполовину восточным. Я не рискну противопоставлять свой небольшой опыт этим суждениям, но, возможно, небесполезно объяснить, в чем он расходится с ними. Хотя Ленинград ни в каком смысле нельзя назвать восточным городом, он не произвел на меня впечатления европейского, а вот современная Москва оказалась по меньшей мере ультра-западной. Что касается Ленинграда, то строившие его архитекторы действительно были из Италии и, вероятно, стремились создать европейский город. Но

дух самого места глубоко вошел в их сознание, овладел их руками, и они построили нечто такое, чего не могли и предвидеть. *Genius loci*, святающееся небо, бесконечный горизонт, необычный и буйный климат ничем не напоминали мне знакомую Европу. Москва же, несмотря на то, что в ее застройке есть нечто полувосточное, а азиаты заполнили отдельные части города, по своей психологии и внешнему облику отнюдь не ассоциируется с медлительным и древним Востоком. По духу и устремленности Москва — новый, нервически деятельный, подвижный город, гораздо моложе любого из наших американских городов, даже тех, которые возникли за границей первых поселений.

Из этих двух городов как раз Ленинград кажется более древним. Конечно, история говорит об обратном, и если бы я писал как историк или любитель древностей, я бы писал по-другому. Но если воспринимать Москву непосредственно, такой, какой она предстает перед глазами, то чувствуешь, насколько она полна постоянного, неустанного движения, высокого напряжения, несущего в себе ощущение творческой энергии, направленной в будущее. Ленинград, напротив, говорит с каким-то оттенком скорби о прошлом. Всем нам известна легенда, больше подобающая устам и перу европейца, посетившего Америку: это земля, на которой живет удивительно молодой народ, полный жизнерадостности, энергии, наивности и незрелости юности и неопытности. Именно такое впечатление произвела на меня Москва, причем в гораздо большей степени, чем моя собственная страна. Здесь действительно ощущалась жизнь, насыщенная надеждой, уверенностью, почти сверхъестественной активностью, временами наивная, а в некоторых вещах невероятно наивная, обладающая отвагой, достигающая многого, поскольку питается неведением юности, не сдерживаемым избытком воспоминаний. Освобожденная от груза приверженности прошлому, она пропитана энтузиазмом созидания нового мира. Только в одном случае сравнение «не работает». Подспудно в этом порыве возникает сдерживающее чувство — ощущение бесконечной сложности поставленной задачи (я говорю о руководителях системы образования, с которыми мы общались). Нельзя сказать, что они сильно подавлены, но при всем их обнадеживающем энтузиазме, они, кажется, подвержены противоборствующим настроениям, ставящим под сомнение, придут ли они в намеченный порт или будут смяты. Соединение непосредственности и юмора с глубокой серьезностью является, а может быть и нет, чертой русского характера, но именно она присуща тем людям, которые несут на себе весь груз создания у русского народа нового мышления посредством образования и культуры.

Наше пребывание в Москве заметно отличалось от пребывания в Ленинграде, посещение которого свелось в основном к осмотру достопримечательностей, правда, при самых благоприятных обстоятельствах, отвлекающих нас от наших собственных оценок того, что мы видели и с чем сталкивались. Но Москва — это нечто большее, чем политический центр. Она — сердце тех сил, которые пульсируют во всей России, несущей в себе столько же азиатского, сколько и европейского. Поэтому в Москве при посещении различных мест возникло чувство глубокого, внутреннего контакта, почти собственного участия в творческом труде, в созидании мира. Слово нас после осмотра ленинградских памятников прошлого и некоторых плодов настоящего вдруг впустили в сам процесс действия. Естественно, новый опыт изменил и углубил ленинградские впечатления, о которых я уже писал, углубил ощущение энергии и силы, освобожденных Революцией, изменил представления в сторону все большего понимания запланированного, конструктивного усилия, на которое новый режим направляет освобожденную энергию.

Когда я пишу об этом, я отчетливо представляю себе, сколь фантастичной может показаться мысль о надежде и созидании в связи с Большевицкой Россией тем, чьи суждения о ней сложились семь или восемь лет назад и с тех пор остались неизменными. Да я и сам абсолютно не был готов к тому, что я увидел. Это было подобно шоку. Чаще всего мне задавали вопрос (наряду с вопросом есть ли там свобода?), происходит ли в России что-нибудь конструктивное? Его распространенность свидетельствует о том, что сообщения о разрушительном характере большевизма все еще довлеют над воображением публики и усиливает обязательства изложить результаты полученного опыта, возлагаемые на того, кто, оказавшись очевидцем событий, столкнулся с прямо противоположным. Но прежде чем переходить к изложению более важного, с позитивной точки зрения, аспекта созидательного усилия в России, стоит заметить, что в больших городах больше всего производит впечатление сохраняющий, нежели деструктивный характер Революции (что, кстати, уже отметили многие иностранцы, посетившие страну). В современной Англии того, что пришло из времен короля Генриха VIII и что ассоциируется с бешенством большевиков, имеется гораздо больше, чем в Москве и Ленинграде. Приехав в Россию из Англии со свежими впечатлениями от разрушений и вандализма, я часто испытывал желание, чтобы специально для твердолобых англо-саксов (как для американцев, так и для британцев) был составлен сравнительный список разрушений произведений искусства и архитектуры за время

революций в этих двух странах. Позитивным свидетельством заинтересованности в сохранении прошлого является гигантское увеличение числа различных музеев в России. Я полагаю, что создание музеев и бережная забота об исторических и художественных ценностях, — отнюдь не те вещи, которыми занимаются там, где преобладает дух разрушения. Только в одной Москве насчитывается около тысячи музеев, а по всей стране в провинциальных городах за время правления нынешнего режима их число увеличилось в пять раз. Причем предпринимаются все возрастающие усилия по превращению музеев и их сокровищ в максимально доступные и полезные для людей.

Более того, вопреки расхожему мифу эта охранительная забота охватывает и храмы Ортодоксальной церкви и их сокровища. Конечно, все то, что говорилось об антиклерикальных, атеистических тенденциях большевизма, достаточно верно, однако церкви и их содержимое, представляющие художественную ценность, не только остались невредимыми, но и сохраняются со скрупулезностью и даже научным энтузиазмом. Действительно, многие церкви превращены в музеи, но по всему видно, что оставшихся вполне достаточно для удовлетворения потребностей верующих. Коллекции икон в музеях Москвы и Ленинграда оставляют такое впечатление, что они полностью вознаграждают любителя искусства за путешествия в эти города. Власти, начиная чрезвычайно важную работу реставрации Кремля, в первую очередь обратились за помощью к специалистам — антикварам, ученым-историкам, химикам. При старом режиме тоже проводились «реставрации», но, например, чудесная простота фресок была безвкусно испорчена «художниками», которым под стать быть только первоклассными малярами. Сейчас их работу переделывают. Претенциозные орнаменты — результат соединения предрассудков, больших денег и отвратительного вкуса, счищаются. Когда работа будет закончена, большевистский режим несмотря на острую потребность во времени и деньгах, несомненно, возродит в своем древнем первозданном очаровании один из величайших исторических памятников мира.

Если бы не расхожее мнение о безумстве разрушений в большевистской России, о подобного рода вещах, возможно, стоило бы сказать лишь мимоходом. Но в данной ситуации они приобретают существенное значение, ибо являются символами не только созидательной деятельности, но и того направления, которое в этой деятельности, на мой взгляд, является наиболее жизненным: формирование народной культуры на высоком эстетическом уровне. Не случайно Луначарский, которому Россия прежде всего обязана бе

режным сохранением ее исторических и художественных сокровищ, является Комиссаром просвещения. Хотя возрождение интереса к художественному, музыкальному искусству и литературе характерно для прогрессивных школ во всем мире, тем не менее нет ни одной страны, за исключением, пожалуй, Мексики, где эстетические цели и ценности столь же доминировали во всех областях образования, как в современной России. Они преобладают не только в школах, но и в той сфере, которую следует назвать (за неимением более подходящего слова) «образованием взрослых», — впрочем, это до смешного неадекватный термин, ведущий свое происхождение от соответствующей деятельности в нашей стране, для обозначения организованного и повсеместного распространения и внедрения образования, имеющих место в стране «разрушительного» большевизма. Невольно начинаешь иронизировать по поводу всех этих предвзятых и широко распространенных мнений о России, которые и сам я бессознательно в большей или меньшей степени разделял. Но ничто так не бьет по этой иронической ноте, как контраст между расхожим представлением о всеобщей поглощенностью материалистической экономикой и реальными фактами приверженности людей к созиданию живо искусства и их всеобщего участия в этом процессе.

Возможно, мне надо бы чаще напоминать читателю о том, что я пишу с позиций оценки усилий в области образования. Я могу говорить о России с определенной степенью уверенности лишь в той мере, в какой воодушевляющие цели и жизнь этой страны отражаются в руководителях просвещения и той работе, которую они пытаются делать. Естественно, что читатель может задать вопрос, который я часто задаю сам себе: насколько впечатление, полученное из наблюдения лишь одной стороны жизни, является истинным, если соотнести его с духом и целями Советской России в целом? Я признаю, что с этой точки зрения читатель получает представление о целях и духе России в самом лучшем и привлекательном виде, ибо названный аспект является наиболее конструктивным. Допуская, что картина, нарисованная с этих позиций, яснее и чище, чем та, которую можно получить, изучая политические или экономические сферы жизни, я убежден в том, что она является и более истинной. Конечно, невозможно перечислить все объективные свидетельства, которые дали бы читателю основания разделить со мной эту уверенность. Я могу, однако, обозначить природу той основы, на которой в моем сознании постепенно сформировалась уверенность в том, что можно оценить внутренний смысл новой русской жизни более глубоко и точно именно с точки зрения усилий в области образования и просвеще

ния, нежели в сфере политики и промышленности. Что-то в этой основе может быть определено как отрицание: скажем, неспособность прочитанных мною работ, написанных о исключительно с политических и экономических позиций, передать ощущение действительности, которое я лично переживал, и то, что я наблюдал, с позиций воспитания и образования. Несомненно, книги, или по крайней мере часть из них, содержат гораздо больше информации, чем я когда-либо буду располагать. Некоторые написаны авторами, владеющими русским языком и имеющими широкие контакты. И если я позволяю себе смелость доверять больше своим впечатлениям, чем их рассуждениям по жизненно важным проблемам, то отнюдь не потому, что полагаю, что они, а точнее, опять-таки некоторые из них, намеренно искажают факты, и не из-за того, что конкретно они говорят, а скорее из-за того, что они о чем-то не говорят, что-то опускают из имеющего место в реальной жизни. В результате эти работы, на мой взгляд, отмечены определенной бессодержательностью, пустотой, ибо они нечувствительны к тому, что является наиболее важным. Они лишь демонстрируют статичные срезы общества, изолированные от движения, придающего им смысл.

Конечно, эти замечания носят слишком неопределенный и общий характер, чтобы прояснить суть ситуации. Возможно, они могут приобрести некоторую определенность, если соотнести их с какой-то конкретной книгой. Я бы выбрал, например, книгу Кальгрена «Большевицкая Россия». Не вызывает сомнения знание автором языка или его прилежание при сборе сведений, а также честность в выборе целей исследования. Подлинность большей части используемого им материала подкрепляется тем, что он взят из большевистских источников. Спрашивается, почему бы тогда не принять его почти целиком негативные выводы. Частично потому, что в книге недостаточно датирован материал, приводимый автором, то есть не указывается тот особый контекст времени и условий, в которых имели место описываемые злодеяния. Но по большей части потому, что, читая книгу, мне совершенно не удалось извлечь из нее ощущение характера происходящих событий, которое возникает при непосредственном столкновении с ними. В результате, допуская, что все вызывающие негодование злодеяния существовали в какое-то время и в каком-то месте и что многие из них существуют и сегодня, общее впечатление, остающееся от книги, — мертвое, пустое, лишенное жизненного значения и смысла. Взять хотя бы такую деталь: известно, что сами большевистские источники используют массу разоблачающих фактов. Когда этот материал берется как совокуп

ность единичных, изолированных фактов, получается один результат. И совсем другой результат возникает в случае использования этих фактов подтверждения какой-то характерной тенденции, ибо, когда начинаешь отыскивать то положительное и главное усилие, с которым связана подборка и публикация этих обвинительных сведений, обнаруживаешь намеренное и постоянное стремление к анализу и самоанализу, чего не встретишь ни в одной другой стране. Потом понимаешь, что данное движение связано с верой в реальность существования науки об обществе как основы для диагностики социальных болезней и планирования конструктивных изменений. Конечно, можно не верить в эту так называемую науку, но неверие в нее не меняет того факта, что мысль, извлекаемая из сообщений об отдельных событиях, сколь подлинными они ни были, остается мертвой и искаженной до тех пор, пока не устанавливается связь этих сообщений с интеллектуальным движением самокритики, составной частью которого они являются.

Это интеллектуальное движение не случайно приобретает особое значение и рассматривается как просветительское и культурническое. Дело в том, что в силу сложившихся обстоятельств центральной проблемой, стоящей сейчас перед Советскими руководителями, является проблема формирования нового мышления, новой «идеологии», употребляя здесь одно из трех или четырех наиболее часто используемых слов. Безусловно, в России прочно держатся за догмы «экономического детерминизма». Это — символ веры, заключающийся в том, что идеи и представления, циркулирующие в обществе, жестко предопределены экономическими институтами и процессами. Но нельзя утверждать, что господствующий марксистский экономический материализм отрицает действительность идей и представлений, иными словами, существующей «идеологии», какой бы она ни была. Напротив, согласно такому материализму, что хотя идеология имеет в своей основе экономические причины, со временем она сама становится основой для «обратного» воздействия на экономику. Следовательно, с коммунистической точки зрения проблема заключается не только в том, чтобы заменить капиталистические экономические институты коллективистскими, а и в том, чтобы поставить коллективистское мышление на место индивидуалистической психологии, унаследованной от «буржуазной» эпохи, — психологии, носителями которой по-прежнему является значительная часть крестьянства и интеллигенции так же, впрочем, как и самого рабочего класса. Таким образом, движение попало в замкнутый круг, официально описываемый как свидетельство и доказательство «диалекти

ки». *Всенародная* идеология должна предопределяться коммунистическими установлениями, но, однако же, успех попыток ввести эти установления целиком и полностью зависит от способности сформировать новое мышление, новое психологическое отношение. Она и объясняет то исключительное значение, которое приобрели на современном этапе русской жизни органы образования. Осмысление этого факта позволяет использовать систему образования в качестве увеличительного стекла будущей разрешающей способности, с помощью которого можно прочитать и понять дух событий в их конструктивной фазе.

Косвенным подтверждением центральной позиции, которую занимают во время нынешнего «переходного» периода органы образования, является вездесущность пропаганды. Конечно, в нашем столетии пропаганда повсюду взяла на себя роль руководящей силы. Вместе с тем, пожалуй, нигде в мире ее использование в качестве орудия контроля не является столь постоянным, последовательным и систематическим, как в современной России. Пропаганда приобрела такое значение и такое высокое общественное положение, что само это слово в других социальных условиях едва ли теперь имеет свой истинный смысл, поскольку мы инстинктивно ассоциируем ее с достижением каких-то особых целей того или иного класса или социальной группы, причем целей, скрываемых от остальных членов общества. В России пропаганда существует ради страстной веры. Можно, конечно, считать, что лидеры страны целиком и полностью заблуждаются относительно предмета этой веры, но их искренность не вызывает сомнений. По их мнению, пропаганда служит цели, которая отнюдь не является личной или даже классовой, а представляет собой всеобщее благо всего человечества. Следовательно, пропаганда — это образование, а образование — это пропаганда. Они более чем взаимосвязаны, — они просто тождественны друг другу.

Поэтому когда я говорю об органах образования, я имею в виду нечто большее, чем функционирование школьной системы. О ней я буду говорить чуть позже. Здесь она интересует меня лишь как составная часть свидетельства того, что главная конструктивная работа в современной или «переходной» России является по своей сути образовательной и культурнической. Именно в данном аспекте работа школ и приобретает свое значение, выраженное в словах, которые здесь часто можно услышать: «Со старым поколением ничего нельзя сделать. Его 'идеология' сформировалась при старом режиме. Мы можем только ждать, пока они умрут. Вся наша надежда на новое поколение». Однако роль школ не может быть понята в изоля

ции, взятая сама по себе. Она является частью «Обратного» воздействия, ибо политические и экономические изменения и принимаемые меры на нынешнем этапе развития являются культурными, образовательными, воспитывающими. Они не только готовят внешние условия для будущего коммунистического режима, но и создают атмосферу или обстановку, благоприятную для формирования коллективистского мышления. Массы людей должны научиться коммунизму не столько путем освоения марксистской теоретической доктрины, хотя этого в школе предостаточно, а на опыте того, что осуществляется для них на деле: обеспечение свободы их жизни, ее безопасности, стабильности, организация широкого доступа к различным видам отдыха, культурного досуга, новым развлечениям. Самой эффективной пропагандой, равно как и самыми эффективными средствами образования и воспитания, оказывается пропаганда мероприятий, поднимающих уровень жизни народа, делающих ее богаче и полнее, и неразрывно связывающая эти достижения с «коллективистским» мышлением.

Пожалуй, я лучше всего выражу общее отличие моих ленинградских впечатлений от московских, если скажу, что в Москве представление о современном периоде в России как «переходном» приобрело новое значение. Когда я покидал Ленинград, то, откровенно говоря, у меня осталось такое ощущение, что революция, несомненно, была огромным достижением, а коммунизм — немалым провалом. Мои московские впечатления не изменили это ощущение настолько, чтобы убедить меня, что на практике действительно существует коммунизм, который, как я предполагал, должен здесь быть. Но эти же впечатления убедили меня в том, что в России осуществляется гигантская конструктивная попытка по созданию нового коллективистского мышления, которое я мог бы назвать новой моралью, если бы не неприязнь Советских лидеров к любого рода моральной терминологии, и что эта попытка уже имеет определенные успехи.

Таким образом, «переход» в России оказывается в значительной степени свершившимся фактом. Правда, куда ведет этот переход — остается для меня пока еще неясным. Для ортодоксального марксиста цель, безусловно, очевидна: это установление коммунизма, которое требует марксистская философия истории. Но лично у меня возникло впечатление, что чем успешнее оказываются усилия по созданию нового мышления и новой морали кооперативного типа, тем сомнительнее становится цель, которую предполагают достигнуть, поскольку я искренне уверен в том, что этот новый тип мыш

ления, именно в той степени, в какой он действительно нов и революционен, создаст свое собственное будущее общество в соответствии со своими желаниями и стремлениями. Это будущее общество, несомненно, будет абсолютно не похоже на режимы, господствующие в западном мире частного капитала и личной выгоды. Но я думаю, что оно будет столь же непохоже и на общество, к которому призывает ортодоксальная марксистская доктрина.

Тон моего описания красноречиво свидетельствует о том, что я опираюсь больше на впечатления, чем на какие-либо факты, поддающиеся объективной проверке. Я прекрасно понимаю, что могу переоценить значение своих личных ощущений. Даже если они не совсем точно отражают реальность, а это вполне естественно, или являются совершенно ложными, я все-таки обозначу самое неизгладимое впечатление от моего пребывания в Москве: решающее значение того, что происходит сейчас в России, не может быть понято и схвачено в политических или экономических терминах, а обнаруживается в изменении необычайной важности — изменения в интеллектуальных и моральных ориентациях народа, в его культурной трансформации. Я боюсь, что это впечатление сильно отличается от представлений как приверженцев, так и врагов большевистского режима, но оно прочно отпечаталось в моем сознании, и я не могу не написать о нем так, как это есть на самом деле.

IV. Что делают сегодня русские школы?

В своей последней статье я привел ряд доводов в пользу вывода, что в современном «переходном» состоянии России главное значение имеет происходящее там интеллектуальное и нравственное (если позволят марксисты) изменение, и если на конечной ступени данной фазы эта трансформация должна стать средством для экономического и политического изменения, то сегодня это происходит окольными путями. Это соображение равнозначно утверждению, что в сущности все социальные институты оказываются образовательными в самом широком плане, то есть в плане их воздействия на установки и стремления людей. В их функции входит создание привычек, на основе которых люди будут поступать коллективистки с той же готовностью, с какой в капиталистических странах они поступают «индивидуалистически». Кроме того, данное соображение определяет важность и значение органов образования в узком смысле — школ. Они представляют собой непосредственную, концентрированную попытку получить тот же результат, который всеми

прочими институтами достигается непоследовательно и окольными путями. Употребляя расхожую фразу, можно сказать, что школы — это «идеологическая рука революции». В итоге школы самым поразительным образом — и по своей административной организации, и по своим целям и духу — сочетаются с другими общественными организациями и интересами.

Существующая в умах советских педагогов связь между формированием установок и склонностей с помощью семьи, экономических и политических институтов и с помощью школы может быть проиллюстрирована рассказом одного из лидеров новой педагогики о его жизненном пути. Первую попытку реформировать образование в России он предпринял в начале нашего века, когда вместе со своим другом, который был связан с университетским благотворительным учреждением в Нью-Йорке, он организовал такое же учреждение в одном из рабочих кварталов Москвы. Естественно, что они были вынуждены заниматься неполитической деятельностью в нейтральных сферах организации детских клубов, досуга, охраны здоровья и т.п., фактически в тех же областях, что и наши аналогичные заведения филантропического типа. Но даже в этих областях они встречали постоянное сопротивление и помехи со стороны властей. Например, педагог, рассказавший эту историю, одним из первых начал развивать в России футбол и в результате провел несколько месяцев в тюрьме, ибо власти были убеждены, что у этой игры может быть одна-единственная цель: тренировать молодых людей бросать бомбы поточнее! (В связи с этим замечу, что распространение различных видов спорта и игр является одной из характерных черт нынешней общественной жизни в России. Как-то в воскресный день, например, мы были на скачках, организованных отделом коневодства правительственного комиссариата сельского хозяйства, и на футбольном матче, причем каждое из этих мероприятий собирало аудиторию от 15 до 20 тысяч зрителей.) В 1911 году, стремясь расширить поле деятельности, он организовал педагогическую экспериментальную площадку в деревне, в 80-100 милях от Москвы, получив помощь и поддержку от состоятельных русских либералов. Как мне рассказали, эта школа строилась на сочетании толстовской версии руссоистской доктрины свободы и идеи о воспитательном значении производительного труда, почерпнутой из американских источников.

Эта история имеет глубокий исторический смысл для прояснения факторов, предопределивших суть Советской системы образования. Но ее главное значение зависит от дальнейшего развития со

бытий. Особенно показательно воздействие на сознание педагогов-реформаторов постоянного сопротивления властей даже самым умеренным и неполитическим попыткам реформировать систему образования и улучшить условия жизни рабочего населения. Педагог, о котором я говорю, начинал как реформист либерального толка, причем далеко не радикального направления, а как конституционный демократ. Он работал, верил и надеялся, что школа, давая образование и воспитание нового типа, может мирно и постепенно произвести необходимую трансформацию в других институтах. Его превращение из педагога-реформатора в убежденного коммуниста является символом современной ступени всего советского педагогического движения. В первую очередь здесь сыграл свою роль тот поразительный факт, от которого невозможно отмахнуться, что все прогрессивные реформаторские попытки, которым всячески препятствовал царский режим, получили активную и официальную поддержку со стороны большевистского режима, факт, несомненно повлиявший на многих либерально настроенных интеллигентов и заставивший их пойти на сотрудничество с большевистским правительством. Один из них, не являющийся членом партии, сказал мне, что он считает трагической ошибкой тех интеллигентов, которые отказались от какого-либо сотрудничества с новым правительством. Они свели к нулю свои собственные возможности и лишили Россию помощи в тот момент, когда она больше всего в ней нуждалась. Сам он обнаружил, что нынешнее правительство расчистило путь как раз для того дела, которое он вынашивал при старом режиме и реализация которого была практически невозможной из-за его сопротивления, и что, хотя он не был коммунистом, к его советам и даже к его критике прислушивались, поскольку власти убедились в искренности его стремления к сотрудничеству. Несмотря на ограниченность моего опыта в этом отношении, могу добавить, что видел либерально настроенных интеллигентов, одни из которых вели политику, которую он осуждал, другие — ту, которую он советовал. И нет на земле более несчастного и бесплодного класса, чем первые, и более живого и счастливого, невзирая на жестко ограниченные экономические условия, жилье, жалование и т.д., чем вторые.

Именно этому соображению, — огромному контрасту между развитием и судьбой социальных стремлений при старом режиме и при Советском правительстве — я не придавал должного значения в своих предыдущих оценках Большевистской России. Легко представить, что есть немало людей, которые в общем и целом осознавая репрессивный и деспотический характер царского правительства,

бессознательно формируют свою оценку нынешней русской системы, исходя из некоей воображаемой демократической системы. Они забывают о том, что для миллионов людей в России существует сравнение только с той системой, которая им известна по их собственному реальному опыту. Русская система управления в настоящее время подобна той, к которой население привыкло в течение многих веков, а именно — системе личной власти. Подобно старой системе, она имеет много репрессивных черт. Но если рассматривать ее с тех позиций, с которых ее оценивают на своем опыте народные массы, то это пока единственная система, которая открыла для них двери, ранее прочно запертые на замок. Она настолько же заинтересована в том, чтобы сделать для них доступными все источники счастья, насколько прежде, хорошо знакомое им правительство стремилось держать их в нищете. Именно данный факт, а не слежка и политические ограничения, сколь чрезмерными бы они ни были, объясняет стабильность нынешнего правительства, несмотря на сравнительно небольшое число коммунистов в стране. Он сразу переводит в область чистой фантазии ту политику по отношению к России, которая основывается на представлении, что нынешнее правительство непременно падет по причинам внутреннего порядка, стоит только его как следует забойкотировать и изолировать извне. Я не знаю ничего другого, более наглядно демонстрирующего иллюзии, которыми могут жить изолированные группы людей, чем факт, что из пяти или шести русских ежедневных газет, издаваемых эмигрантами в Париже, три посвящены реставрации монархии.

Я вынужден сдавать свои прежние позиции, что, впрочем, естественно было вызвано впечатляющим развитием прогрессивных педагогических идей и практики их воплощения под покровительствующим руководством большевистского правительства, и я говорю только о том, что сам видел, а не о том, что мне рассказывали. Второй фактор, способствовавший трансформации взглядов педагога (чью историю я считаю типичной и весьма символичной), выводит нас за рамки реформистских и прогрессивных идей и заставляет обратиться к собственно коммунизму. Я уверен, что на этот фактор любой коммунистический педагог укажет скорее, чем на тот, о котором я только что говорил. Невозможность реализации педагогических целей из-за экономических причин занимала в истории превращения педагога-реформатора в коммуниста гораздо большее место, чем явная и совершенно определенная политическая и правительственная оппозиция. Фактически последняя упоминалась лишь в качестве неизбежного побочного продукта социально-экономических обстоя

тельств. Как говорил этот педагог, существует два типа воспитания — в широком смысле и в узком. Воспитание в узком смысле дается в школе, в широком смысле, оказывающее наиболее существенное воздействие, дается реальными условиями жизни, особенно в семье и на улице. Этот педагог обнаружил, что работа, которую он пытался делать в школе, даже в достаточно благоприятных условиях его экспериментальной школы, сводилась к нулю воспитательным, а точнее антивоспитательным воздействием характера и привычек мышления, порождавшихся социальным окружением. Отсюда и выросла его уверенность в том, что социальные условия и прогрессивная школа должны работать вместе, действовать в гармонии, усиливая друг друга, если бы только цели, которые ставит перед собой прогрессивная школа, постоянно не разрушались и деформировались. Вместе с ростом этой уверенности незаметно произошло его превращение в коммуниста. Он пришел к глубокому убеждению, что главной силой, препятствующей социальной реформе, осуществить которую он стремился посредством школы, были как раз эгоистические и узколичностные идеалы и методы, насажденные частной собственностью, прибылью и стяжательством.

Эта история поучительна в силу ее типичности, приобретающей символический характер, и ее продолжение приводит нас к описанию конкретной деятельности советской школы. Под влиянием педагога, о котором я рассказывал (оно оказалось достаточно сильным), содержание, методы обучения и дух школьного управления и дисциплины рассматриваются как пути гармонизации конкретных социальных условий, принимая при этом во внимание местные различия, и деятельность школы. Мои контакты не были продолжительными, чтобы дать адекватную картину структуры и методов данной работы (даже если бы рамки рассказа мне позволили писать подробнее), но ее общий дух все-таки можно передать. Во время переходного режима учитель не может рассчитывать на образование в широком смысле, чтобы сформировать каким-то целостными и подлинными средствами нужное коллективистское, и кооперативное мышление. Традиционные обычаи и институты крестьянина, его маленькие полоски земли, трехполье, влияние семьи и церкви в совокупности автоматически работают на создание в нем индивидуалистической идеологии. Несмотря на большую склонность городского рабочего к коллективизму, его социальная среда тоже во многих отношениях действует на него неблагоприятно. Отсюда и вытекает самая главная задача школы — противостоять и попытаться транс

формировать эти порождаемые домашними и социальными условиями тенденции, которые сильны даже при нынешнем, номинально коллективистском режиме.

Чтобы решить эту задачу, учителя в первую очередь должны очень детально и точно знать условия, в которых живут ученики, и таким образом уметь объяснить и понять привычки и поступки ученика в школе в свете этих условий, и не в общих чертах, а столь же определенно, сколь опытный терапевт ставит диагноз болезни, исходя из порождающих ее условий, с которыми он имеет дело. Поэтому этот педагог называл свою философию «социальным бихевиоризмом». Все, что он наблюдал, — способ ведения сельского хозяйства, орудия труда, конструкция домов, домашний быт, церковь и т.п., заставляло его задаваться вопросом о их возможном воздействии на поведение людей. С другой стороны, учитель, сталкиваясь с любым нежелательным поведением ученика, стремился выявить его социальную обусловленность. Эта идея, сколь бы ясной она ни была в абстрактном изложении, конечно, останется пустой без специальной методики ее реализации. И как раз одной из наиболее интересных инноваций, с которой я познакомился, является методика, созданная в помощь учителям для выявления действительных условий, влияющих на учащихся в их внешкольной жизни. Я надеюсь, что кто-нибудь другой, располагая большим временем, нежели я, опишет эту методику в деталях. Здесь я могу только сказать, что она включает в себя кроме всего прочего дискуссии по истории и географии, темы письменных работ, сочинения учащихся, а также подробное изучение в течение всего года домашнего и семейного бюджета. Совершенно независимо от какой-либо экономической теории — коммунистической или индивидуалистической — результаты работы уже имеют значительную педагогическую ценность и обещают вооружить новым и плодотворным методом педагогического исследования.

Полученное таким образом знание о домашних условиях и их воздействии на поведение (а я, между прочим, должен заметить, что этот социальный бихевиоризм кажется мне интеллектуально более обещающим, чем любой чисто психологический бихевиоризм) является исходным для развития методов, которые позволят школам благоприятным образом реагировать на обнаруженные нежелательные условия и усиливать действие имеющихся положительных факторов, что служит отправной точкой для их конструктивной работы. Я подробнее осветю этот аспект, когда буду говорить об идее «общественно полезного труда» как критерия ценности «проектов», ведь Советская система образования базируется на «методе проектов».

Помимо его практической разработки он еще интересен тем, что указывает на один из наиболее острых моментов в современной русской педагогической теории. Дело в том, что здесь до сих пор существует научная школа, придерживающаяся точки зрения, что принципы образования и воспитания могут строиться только на основе психологии и биологии (хотя увесистость цитат из Маркса затмевает сейчас их влияние) и что правильные педагогические методы непременно окажут желаемое воздействие независимо от конкретного знания об окружающей обстановке дома и на улице.

Я слишком увлекся общими рассуждениями в ущерб моему рассказу о том, что фактически делают сегодня школы и как они это делают. Меня извиняет то, что в связи со всей русской ситуацией именно эти общие черты социальной направленности приобретают особое значение, ибо сознательная проверка каждого педагогического действия путем соотнесения его с какой-то одной, всеобъемлющей социальной целью отличает Советскую школу как от других национальных школьных систем, так и от прогрессивных школ в других странах (с которыми она имеет много общего). Как раз это соотнесение объясняет ту социальную взаимозависимость, о которой я говорил вначале. Данное утверждение можно проиллюстрировать на примере взаимоотношений школы и семьи, как они понимаются ортодоксальными марксистами. Тезис о том, что последовательные коллективисты видят в семье как внутренне замкнутый, изолированный и, следовательно, враждебный подлинно коммунальной жизни институт, слишком известен всем, чтобы повторять его еще раз. Однако независимо от влияния часто декларируемых большевистских разновидностей брака и развода институт семьи опосредованно подрывается гораздо больше, чем путем прямой атаки на него, ибо ослабляются его исторические — экономические и религиозные — основания. Например, трудности с жильем, усиленные в России и ряде других стран войной, намеренно выдаются за преимущество, направленное на создание более широких нежели семья социальных объединений, и разрывающее таким образом ее внутренние связи. Пожалуй, ни одно слово не употребляется здесь столь часто как слово «группа», более того, существуют различного рода группы, выступающие против социальной значимости семьи. В результате любой человек, хладнокровно анализирующий проблему, свободный от сентиментальных ассоциаций по поводу исторического института семьи, может наблюдать чрезвычайно интересное социальное экспериментирование, итоги которого должны каким-то образом определить, насколько связи, скрепляющие традиционную

семью, являются внутренне присущими ей, и насколько они являются продуктом внешних факторов; насколько семья в своей привычной форме является подлинно социализирующим институтом и в какой мере она порождает интересы, лежащие вне сферы общественной жизни.

Предметом нашего особого внимания является роль школ в создании сил и факторов, естественное воздействие которых подрывает значимость и уникальность семейной жизни. Происходящее в России представляется запланированным ускорением этого процесса. Например, самая первая ступень школьной системы, охватывающая детей в возрасте от трех до семи лет, в городах направлена на то, чтобы держать их под присмотром в течение шести, восьми, а то и десяти часов в день, а в идеале (правда, весьма далеко от нынешнего состояния) такая система должна стать всеобщей и строго обязательной. Когда эта цель будет достигнута, воздействие подобной системы на семейную жизнь станет столь очевидным, что нет необходимости дальше рассуждать об этом, хотя в настоящее время даже в Москве только одна десятая часть детей дошкольного возраста посещает такие заведения. Но посягательство на семейную жизнь не ограничивается только маленькими детьми. Предполагается также создание летних колоний за городом, аналогичных нашим домам на свежем воздухе для детей из трущоб, в которых малыши, посещающие детские сады, будут проводить большую часть летних месяцев. Некоторые из этих летних колоний уже существуют, и те, которые мы посетили, оставили более благоприятное впечатление по сравнению с подобными учреждениями в других местах в том, что касается питания, гигиены, медицинских осмотров и ежедневных развивающих занятий. Конечно, было бы сильным преувеличением утверждать, что эти заведения специально планируются исключительно для разрушения семейной жизни. Безусловно, есть другие, более очевидные причины. Эти колонии являются составной частью целой сети заведений, с помощью которых Советское правительство показывает свою особую заботу о трудящихся, чтобы получить от них политическую поддержку и дать им действенный и предметный урок, свидетельствующий о ценности коммунистической схемы. Складывается впечатление, такое же, впрочем, как и на основе наблюдений других социальных мероприятий, что Советская власть пытается предвосхитить в плановом порядке и в массовом масштабе те последствия индустриализации, которые в других странах проникли в общество постепенно и незаметно. Ведь каждый крупный промышленный центр в любой западной стране демонстрирует разрушитель

ное воздействие индустриализации на традиционную семью. С этой точки зрения русское правительство делает в больших масштабах то, что в наших городах делает филантропия, устраивая ясли и прочее. Но при всех обстоятельствах здесь мы имеем поразительный пример сознательного и систематического использования школы в интересах определенной социальной политики. С этой политикой связана масса пропагандистских элементов, многие из которых лично мне неприятны. Однако столь широкую попытку употребить воспитание молодежи в качестве средства достижения социальных целей нельзя отбросить просто как пропаганду без отбрасывания вместе с ней любых усилий по сознательному установлению контроля над обществом.

Описание данной фазы развития Советской системы образования может быть весьма кстати завершено цитатой из Ленина, ставшей составной частью канонического священного писания большевистской педагогической литературы. Иначе говоря, в случае необходимости официальный авторитетный источник может быть приведен для подтверждения моих на первый взгляд крайних утверждений относительно того, что центральное место, занимаемое школами в производстве коммунистической идеологии, является условием успешного функционирования всех коммунистических институтов. «Школа вне жизни, вне политики — это ложь, лицемерие. Буржуазное общество погрязло в этой лжи, и скрывая тот факт, что оно использует школы как средство господства, провозглашает школу политически нейтральной и служащей всем. Мы должны открыто провозгласить то, что оно скрывало, а именно: политическую функцию школы. Если целью нашей прежней борьбы было свержение буржуазии, то цель нового поколения гораздо сложнее: это построение коммунистического общества».

V. Новые школы для новой эры

Идея школы, в которой учащиеся, а следовательно, занятия и методы обучения и воспитания связаны с общественной жизнью, известна в педагогической теории. В той или иной форме эта идея лежит в основе всех попыток проведения последовательной реформы образования. Так что характерной чертой советской системы образования является не столько идея сочетания школьных занятий с внешкольной общественной деятельностью, сколько то, что впервые в истории здесь возникла система просвещения, официально созданная на базе этого принципа. И если в нашей стране он реализуется лишь в немногочисленных, разрозненных школах, что явля

ется результатом частной инициативы, то в России вся система опирается на силу и авторитет режима. Стремясь найти удовлетворительный ответ на вопрос, как и почему руководителям системы просвещения удалось так быстро создать работающую модель, практически не имея перед собой прецедентов, на которые можно было бы опереться, я вынужден был прийти к выводу, что секрет их успеха состоит в том, что они смогли придать экономической и производственной стороне общественной жизни то главное, ключевое значение, которое она имеет в действительности. В этом-то и заключается великое преимущество, которое Революция дала педагогам-реформаторам в России в отличие от остального мира. Я думаю, ни один честный педагог-реформатор в любой западной стране не станет отрицать факт, что самым большим практическим препятствием на пути внедрения желательной для него связи школы с общественной жизнью является весьма значительная роль, которую играет в нашей экономической жизни частная конкуренция и стремление к личной выгоде. В результате возникает необходимость фактически оградить школу от социальных контактов и связей вместо того, чтобы направлять ее на их создание. Положение в русской системе образования способно заставить любого прийти к мысли, что только в обществе, основанном на кооперативном принципе, могут быть реально воплощены идеалы педагогов-реформаторов.

Центральное место, занимаемое экономическими отношениями в увязывании работы школ с общественной жизнью, ясно выражено в официальных установках комиссара Луначарского. Он пишет: «Двумя главными, насущными проблемами общественного просвещения являются: 1) развитие общественной экономики в связи с социалистической реконструкцией в целом и производительностью труда в частности; 2) воспитание населения в духе коммунизма». Цели образования сформулированы следующим образом: «1) соединение общей культуры с производительностью труда и возможностью участвовать в общественной жизни; 2) обеспечение насущных потребностей национальной экономики путем подготовки рабочих в различных отраслях и различной квалификации; 3) обеспечение потребностей разных районов и разных категорий работников».

Как и любое формальное высказывание, эти положения могут быть поняты лишь в свете тех практических мероприятий, с помощью которых они проводятся в жизнь. Поэтому, скажем, постановка среди целей образования «соединения общей культуры с производительностью труда» перед обеспечением потребностей экономики в квалифицированных рабочих приобретает значение, не столь

очевидное в иной ситуации. Ибо русская система образования не является (и это, кстати, ее самая поразительная черта) системой только профессиональной подготовки в том узком смысле, в каком мы часто ее понимаем у нас, т.е. системой технического обучения рабочих разных специальностей. Напротив, профессиональная подготовка везде подчинена потребностям формирования общей культуры, которая, правда, понимается скорее социально-экономически, то есть как обнаружение и развитие способностей, позволяющих человеку выполнять на коллективистских началах общественно полезный труд, причем «общественно полезным» считается любой труд, делающий человеческую жизнь полнее и богаче. Чтобы понять, схватить дух производственных связей школьной работы с жизнью общества, возможно, проще всего взять высказывания по этому поводу нашей собственной Ассоциации Промышленников и прочитать их наоборот. Подготовка к профессии в России ведется в специальных школах — «техникумах», в которые можно поступить только после окончания семилетней общеобразовательной, «единой» школы. Эти школы называются «политехническими», но в обычном английском употреблении это название может ввести в заблуждение. Дело в том, что в нашей стране так называется школа, в которой учащиеся могут выбрать и осваивать какую-то одну из набора специальностей, в то время как в русской системе этим словом обозначается школа, в которой ученики получают не «моно-техническую» подготовку, а обучаются предметам, составляющим фундамент для целого ряда специальностей. Другими словами, даже в чисто профессиональных школах специализированное обучение профессии начинается только в старших классах, когда уже заложена общая техническая, научная и социальная база.

Насколько я мог судить, есть две причины для принятия такой широкой концепции производственного обучения, для отождествления его с общей культурой, присущей коллективно управляемому обществу. Одной из них является состояние прогрессивной педагогической теории в других странах, особенно в Соединенных Штатах в первые послереволюционные годы. Ведущий принцип этой передовой теории гласил, что участие в производственном труде является главным стимулом и направляющей силой в самообразовании учащихся, поскольку такой труд согласуется с естественным или психологическим процессом воспитания и обучения; кроме того, он обеспечивает самую прямую дорогу к установлению связи между школой и общественной жизнью благодаря той роли, которую играют в ней профессии. Несколько либерально настроенных русских

педагогов организовали на основе этой концепции частные экспериментальные школы еще до революции. Несомненно, она имела авторитет самой передовой из существовавших тогда философских теорий образования и отвечала насущным потребностям России.

Таким образом, с первых послереволюционных лет идея «трудовой школы» была центральной во всех мероприятиях по организации школьной системы. Главной чертой этой доктрины было то, что хотя производительный труд является по преимуществу воспитывающим, его следует рассматривать в более широком социальном аспекте — не только в качестве инструмента приспособления к существующему экономическому порядку, но и как средство создания нового общественного строя.

Но действие этого фактора объясняет ситуацию лишь в первый период становления Советской системы образования приблизительно до 1922 или 1923 года, когда сказывалось период преимущественно влияние американских теорий и идей Толстого. Затем последовала реакция со стороны приверженцев марксистской точки зрения. Правда, эта реакция не приняла форму прямого отказа от идеи производственного труда как главного дела школы, но придала ей отчетливую социалистическую форму, интерпретируя ее, исходя из нового положения рабочего, созданного пролетарской революцией. Изменение было более или менее постепенным, и даже сейчас нельзя считать его завершенным. Но дух происходящего изменения отчетливо выражен в словах одного из ведущих педагогов-теоретиков: «Школа является подлинной школой труда постольку, поскольку она готовит учащихся к тому, чтобы понять и разделить идеологию рабочих города и деревни». А под рабочим здесь, конечно, понимается рабочий, осознавший свое место и роль благодаря революции. Такого рода трансформация прежней «буржуазной реформистской идеи» с помощью акцента на идеологии рабочего движения продолжила и еще больше усилила уже имевшуюся общую ориентацию на связь школы с производством.

Этот рассказ по необходимости ограничивается лишь обозначением общих принципов: скелет обрел бы плоть и кровь, если бы место позволило описать все разнообразие связей между школой и обществом, организованным на кооперативных началах. Вместо этого описания я только могу отдать дань восхищения тому освобождающему воздействию, которое оказывало на учащихся их активное участие в общественной жизни. Те из них, с кем я встречался, обладали жизнерадостностью и особым типом уверенности в жизни, которую нельзя спутать с простой самоуверенностью, и впечатление, которое

они произвели на меня, было одним из самых вдохновляющих в моей жизни. Их душевный настрой отразился в надписи, сделанной четырнадцатилетним мальчиком на подаренном мне рисунке. Он был учеником одной из школ, в которой упомянутая мной идея воплощалась в наиболее последовательной и разумной форме. На картине он написал, что подарил ее мне в память о «школе, которая открыла мне глаза». Я давно, правда чисто теоретически, пришел к убеждению, что тупость и бездуховность обычной, заурядной школы является результатом ее изоляции от жизни. И я еще больше утвердился в этом убеждении, увидев в русских школах прямо противоположное.

Есть три или четыре момента в тождестве общекультурного и производственного образования, на которые следует обратить внимание. Первый из них — это официальное указание школам обеспечивать местные потребности в зависимости от существующих условий. Советская система просвещения не допустила ошибки и не подменила единое образование единообразным. Напротив, централизация касается лишь определения конечных целей и общего духа обучения и воспитания, а в остальных вопросах допускается и даже поощряется разнообразие. В каждой области есть своя экспериментальная школа, которая дополняет работу центральных или республиканских экспериментальных станций, изучая местные ресурсы, материалы и проблемы с целью наилучшего приспособления к ним работы местных школ. Главный принцип методики, официально положенной в основу образования, заключается в следующем: в любой работе с учащимися необходимо начинать с исследования окружающей их социальной и природной среды. (Самый лучший музей природных и социальных материалов, используемых в педагогических целях, какой я когда-либо видел, находится в сельском районе под Ленинградом. Он включает в себя полную экспозицию местной фауны, флоры, минералов и т.п., предметы старины и исторические документы, собранную учениками под руководством учителей.)

Принцип связи школы с общественной жизнью на основе изучения непосредственного окружения в полном объеме может быть проиллюстрирован на примере просветительской работы с национальными меньшинствами в России, которых насчитывается около полусотни. Идея культурной автономии, лежащая в основе политического федерализма, в школах воплощена в реальную действительность. До Революции многие, если не большинство из этих меньшинств, не имели ни школ, ни даже письменности. За десять послереволюционных лет благодаря усилиям антропологов и лингвистов (а в этой области русская наука всегда была сильна) все языки полу

чили свою письменную форму, были созданы учебники на национальных языках, приспособленные к местным условиям, трудовым навыкам и традициям, введены начала школьной системы. Впечатляют не только непосредственно педагогические результаты этой работы, но и мысль о том, что тщательная забота Советского режима о культурной независимости народов является одной из причин его стабильности, учитывая некоммунистический характер мировоззрения большей части населения. Продолжая эту мысль, можно сказать, что свобода от расовых и национальных предрассудков, характерная для режима, является одним из активных большевистской пропаганды среди азиатских народов. Чтобы противодействовать ее влиянию западным странам следовало бы избавиться от комплекса превосходства в отношении с населением Азии и таким образом лишить большевиков оснований для утверждения, будто бы капитализм, империалистическая эксплуатация и расовые предрассудки настолько тесно переплетены, что единственным путем освобождения от них народов Востока является принятие коммунизма с помощью русских.

Центральное место труда в концепции образования отчетливо проясляется в организации содержания обучения или, иначе говоря, в отборе предметов учебной программы. Официально этот принцип называется «комплексной системой». Ее детальное описание больше подходит специальному педагогическому журналу, но в общих чертах она означает отказ от разделения содержания обучения на отдельные, изолированные «предметы», составляющие программу традиционной школы, и поиск предмета изучения в какой-либо целостной фазе человеческой жизни, включая изучение природы в ее связи с жизнью человека в обществе. Говоря словами официального документа, «в основе всей программы лежит изучение человеческого труда и его организации; отправной точкой является изучение этого труда в его местных разновидностях». Далее оно развивается путем «обращения к опыту человечества, т.е. книгам, с тем чтобы местные явления были увязаны с национальной и международной производственной жизнью».

Стоит заметить, что для реализации этой концепции содержания обучения самим учителям необходимо постоянно учиться, поскольку они должны пересмотреть традиционное содержание с новой точки зрения. Чтобы добиться успеха, им приходится изучать как местные условия, так и подробные экономические планы центрального правительства. Например, самое большое значение в обучении придается естественным наукам или естествознанию. Но в

соответствии с ведущим принципом естественные науки должны преподаваться не как таковые, не изолированно, а в том аспекте, в каком исследуемые ими явления включаются в человеческую жизнь путем использования природных ресурсов и энергии в производстве для удовлетворения общественных потребностей. Более того, этот метод подачи учебного материала заставляет учителей не только оживлять физическое знание, помещая его в контекст человеческой деятельности, но и быть осведомленными в делах Госплана, т.е. детально разработанных правительством планов экономического развития на несколько лет вперед. Педагог из любой буржуазной страны может только позавидовать тому достоинству, которое приобретает учитель, становясь партнером по планированию социального развития своей страны, и ему остается задаваться вопросом, неужели такое партнерство возможно лишь в государстве, где промышленность является больше делом всего общества, чем частного предпринимательства. Он, конечно, не найдет исчерпывающего ответа, но посянное сомнение заставит его открыть глаза на многие вещи.

В американской литературе, посвященной Советскому образованию, «комплексная система» часто отождествляется с «методом проектов» в том виде, как он развивался в нашей стране. Поскольку оба метода отказываются от строго фиксированных уроков по отдельным предметам и заменяют их формами деятельности, которые должны заставить учащихся самостоятельно осваивать целые пласты жизни или природы, то основания для такого отождествления, конечно, есть. Но в общем и целом они не тождественны друг другу по двум причинам. Во-первых, комплексный метод предполагает единую схему организации процесса обучения. Как уже отмечалось, он концентрируется вокруг изучения человеческого труда в его связи с природными материалами и силами, с одной стороны, и с социальной и политической историей и институтами — с другой. В результате русские педагоги, признавая, что в этом отношении (так же как и во многих других) они обязаны американской теории, тем не менее критикуют многие из «проектов», используемых в наших школах как случайные, незначимые, поскольку они не служат никаким общим социальным целям и не имеют определенных социальных последствий.

Для них педагогический «проект» является средством, с помощью которого реализуется какое-либо «комплексное» или единое целое, заключающее в себе социальное содержание. Критерием ценности «проекта» служит его вклад в «общественно полезный труд». Проекты варьируются в зависимости от специфических условий —

городских или сельских, и местных потребностей. В общем виде они включают в себя работу по улучшению санитарно-гигиенических условий (в этом плане здесь ведется активная кампания, в основном по американскому образцу); помощь в ликвидации неграмотности; чтение газет и книг неграмотным; помощь в клубной работе, проведении экскурсий и т.п. с детьми младшего возраста; разъяснение неграмотным взрослым политики местных Советов с тем, чтобы они могли сознательно участвовать в них; участие в коммунистической пропаганде; и с производственной стороны участие в многообразных мероприятиях, направленных на улучшение экономического положения. Например, в сельской школе, которую мы посетили, учащиеся занимались тем, что в традиционной школе было бы предметом специальных уроков по ботанике и энтомологии, но здесь дело обстояло совсем по-иному. Ученики проводили эксперименты по разведению цветов, полезных растений, фруктов и т.п., наблюдали за воздействием на них полезных и вредных насекомых и затем сообщали о полученных результатах своим родителям и другим фермерам, раздавали им улучшенные семена и проч. Причем в каждом случае предполагается, что рано или поздно результаты работы обязательно выльются в реальное участие в большой общественной жизни, даже если речь идет о маленьких детях, которые приносят цветы инвалиду или своим родителям. В одной из городских школ, где такая работа велась уже довольно давно, я увидел, например, интересные таблицы, сделанные учащимися, показывающие изменение гигиенических и жилищных условий в домах рабочих кварталов за последние десять лет.

В этой связи уместно сказать несколько слов о системе управления и дисциплине в Советских школах. В какой-то период идеи свободы и ученического контроля привели к возникновению настоящих беспорядков. Но, очевидно, идея «самоуправления» (которая в официальной доктрине является основополагающей) все-таки приобрела позитивную форму, и эксцессы, характерные для раннего периода, прекратились. Связь с тем, о чем я рассказывал выше, заключается в том, что по мере возможности организации учащихся, на которые возлагаются задачи поддержания дисциплины, не создаются в виде школьного «правительства», а вырастают из совместного выполнения какой-либо работы, необходимой для самой школы или района, где она расположена. И здесь вновь, хотя исходной была идея самоуправления, как оно развивалось в американских школах, обычная американская практика критикуется за то, что она чрезмерно имитирует политические формы, принятые у взрослых (взамен со

здания чисто ученических социальных отношений и связей) и в итоге является искусственной и привнесенной в школу извне. Учитывая распространенность в других странах представления о полном отсутствии в России свободы и демократии, надо заметить, что любой иностранец, особенно разделяющий это представление, придет в замешательство, обнаружив, что организация детей в русских школах носит куда более демократический характер, чем в наших, и что они, работая в системе школьного управления, получают гораздо лучшую подготовку для последующего активного участия в местном и производственном самоуправлении, нежели в школах нашей несомненно демократической страны.

Справедливости ради в заключение следует сказать, что система образования, которую я так поверхностно и бегло описал, в настоящее время существует скорее в качественном, нежели в количественном отношении. С точки зрения статистики ее реализация чрезвычайно ограничена, но это и не удивительно, если принять во внимание как внешние трудности — войну, голод, бедность, учителей, воспитанных в чуждых идеях и идеалах, так и внутренние трудности создания и развития системы образования на новой социальной основе. Учитывая все эти факторы, приходится только поражаться достигнутому прогрессу, ибо будучи ограниченной в масштабах осуществления, система присутствует не только на бумаге. Это действующее предприятие, самодвижущийся организм. Американец, посетивший Россию, несомненно может испытывать определенную патриотическую гордость, замечая, в сколь многих отношениях первоначальный импульс шел от прогрессивной школы нашей страны, но он тут же будет уязвлен и исполнится новыми устремлениями, увидев, насколько органичнее воплощаются эти идеи в русской системе, нежели в нашей. Даже если он не согласится с убежденностью коммунистических педагогов в том, что либеральные прогрессивные идеи могут быть по-настоящему реализованы на практике лишь в стране, где произошла экономическая революция социалистического типа, он будет вовлечен в интеллектуальные и душевные поиски, столь необходимые и полезные. В любом случае, если его опыт совпадет с моим, он глубоко пожалеет о том, что до сих пор существуют искусственные барьеры и баррикады из лжи, изолирующие американских учителей от системы образования, в которой наши истинно прогрессивные, демократические идеи воплощены наиболее полно и у которой мы могли бы научиться несравненно большему, чем у любой другой системы. Теперь я понимаю гораздо лучше,

чем раньше, критические высказывания некоторых иностранцев, посетивших страну и обвиняющих Советскую Россию в слишком усердной «американизации» традиционной европейской культуры.

VI. Великий эксперимент и будущее

Подводя итог впечатлениям о России, нельзя не поразмышлять о ее будущем. Как раз уверенность в том, о чем я писал ранее, а именно, что наиболее значимым аспектом происходящих в России изменений является не столько политический, сколько психологический и нравственный, заставляет заглянуть в ее пока еще скрытое от нас будущее. Хотя эта уверенность несомненно объясняется тем, что мои контакты были односторонними — в основном с педагогами, а не с политиками и экономистами, все же она является достаточно обоснованной. Сам Ленин заявил, что с завершением революции ситуация в России коренным образом изменилась. Было бы утопией полагать, говорил он, что без революции образование и добровольная кооперация могут достигнуть сколько-нибудь значительных результатов. Сначала рабочим необходимо захватить власть. Но когда они взяли все бразды правления в свои руки, произошла «коренная перемена всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу и завоевание власти. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную культурную работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству». Он продолжил свою мысль, говоря, что дело социализма, выражаясь экономически, совпадает сейчас с развитием кооперации, и добавил очень важное замечание: «Полное кооперирование невозможно без целой культурной революции».

Доказательство этого тезиса получило свое дальнейшее развитие в нашей беседе с Крупской, вдовой Ленина, возглавляющей один из отделов министерства просвещения, человеком, несомненно, высокого авторитета. Как ни странно, в разговоре она практически не касалась вопросов организации и управления школьной системой. Она говорила о чисто человеческих вещах, с которыми ей пришлось сталкиваться, общаясь с детьми и женщинами, свидетельству

ющих об их огромном стремлении к образованию, новому свету и новой жизни, и ее интерес к ним полностью соответствовал ее облику матери, хозяйки дома. Завершая разговор, она сформулировала задачу, стоящую перед нынешним режимом. Его цель, сказала она, — дать каждому человеку возможность развивать свою личность. Свершившаяся экономическая и политическая революция не является конечной целью, напротив, она является средством и основой для культурного развития. Однако она необходима, поскольку без экономической свободы и равенства полное развитие способностей всех людей не может быть достигнуто, и экономические изменения производятся для того, чтобы позволить каждому человеку участвовать во всех делах и процессах, которые придают смысл и ценность человеческой жизни.

Итак, даже в экономике суть проблем сводится к культуре и образованию. Это справедливо и в том узком смысле, что современные планы развития промышленности не могут быть осуществлены без подготовки квалифицированных специалистов на всех уровнях — в производстве и системе управления. То, что Уэллс сказал обо всем мире, что существует гонка между образованием и катастрофой, то есть упадком промышленности, к России имеет особое отношение. Это также справедливо и в том широком смысле, что экономические планы не могут быть реализованы без изменений в устремлениях и убеждениях масс. В самом деле, мне кажется, что проще и полезнее оценивать происходящее сейчас в России как гигантский психологический эксперимент по трансформации мотивов, управляющих человеческим поведением.

Существует две точки зрения, согласно которым это вовсе не эксперимент, ибо его содержание и результат заранее predetermined. Фанаты частного капиталистического бизнеса и фанаты марксистского догматизма уже имеют готовый ответ. Согласно первым попытка обречена на провал, ибо в конечном итоге неизбежно образование, выражаясь словами мистера Гувера, «экономического вакуума». Согласно вторым трансформация индивидуализма в коллективизм является абсолютным и неизбежным результатом действия законов, которые точно так же известны социальной «науке», как, скажем, закон тяготения — физике. Не являясь приверженцем ни одной из описанных здесь точек зрения, я нахожу более поучительным рассматривать происходящее в России как эксперимент с пока еще неопределенным результатом, но именно как эксперимент, и он представляет собой самое интересное из того, что сегодня имеет

место на земном шаре. Хотя должен честно и откровенно признаться, по вполне эгоистическим причинам я предпочитаю наблюдать его реализацию в России, нежели в своей стране.

Оба убеждения в своих догматических формах служат определенной цели. Первое — «индивидуалистическая» философия — позволяет людям покончить с негативными сторонами нынешнего порядка вещей. Если порядок столь же неизменен, как человеческая природа, и если человеческая природа создана по модели существующего экономического порядка, то не остается ничего другого, как терпеть его настолько это возможно. Марксистская философия дает людям веру и смелость бросить вызов этому режиму. Но оставляя в стороне обе догматические веры, я должен сказать, что осуществляемый в России эксперимент имеет две цели. Первая и более непосредственная цель — посмотреть, смогут ли люди иметь гарантии защищенности *от* нужды, болезней, старости, а также гарантии *обеспечения* охраны здоровья, отдыха, разумного уровня материального благосостояния, за которые они не должны бороться как за исключительно личное приобретение и накопление, короче говоря, без вовлечения в напряженную конкурентную борьбу за личную выгоду. В отдаленных конечных результатах цель эксперимента — выяснить, будут ли известные всем, по крайней мере на словах, демократические идеалы свободы, равенства и братства действительно реализованы наиболее глубоко и полно в обществе, основанном на добровольной кооперации, объединенном рабочем контроле и управлении промышленностью, постепенном уничтожении частной собственности как неизменного института, что вовсе не означает отмены личной собственности. Первая цель носит отчетливо экономический характер. Но более далеко идущая мысль заключается в том, что когда будет обеспечен для всех определенный уровень материального благосостояния, а рабочие будут контролировать производство и политику, тогда появится реальная возможность для каждого человека участвовать наиболее полно и свободно в культурной, цивилизованной жизни. И от педагогов, и от рабочих я часто слышал, что нация, стремящаяся к культуре личности, но лишаящая таковой многих граждан из-за экономической напряженности, не может быть названа цивилизованной нацией.

Именно в этом пункте мои прежние представления или, если хотите, предрассудки претерпели самый решительный поворот. Ранее я полагал, что коммунизм социалистов представляет собой чисто экономическую схему. Это представление подкреплялось тем исключительным вниманием, которое социалисты в западных странах

уделяют экономическим вопросам и громко прокламируемым «экономическим материализмом» марксистских коммунистов. Поэтому я был совершенно неподготовлен к тому, что я обнаружил в России, а именно: что по крайней мере в тех кругах, в которых я вращался (а они включали в себя не только педагогов, но и рабочих), развитие культуры, воспитания и реализация возможностей каждого, кто принимает в этом участие, является главной, доминирующей темой. Поразительно, но оказалось, что только в «буржуазных» странах социалисты по преимуществу заняты улучшением материальных условий жизни рабочего класса, словно они занимаются разнообразностью общественной в отличие от частной филантропической деятельностью по повышению заработной платы, улучшению жилищных условий, сокращению рабочего дня и т.д. Конечно, нельзя сказать, что нынешний русский режим не занимается этими вопросами, но кроме их решения он еще несомненно озабочен расширением и увеличением действительного, реального содержания человеческой жизни. В самом деле, я не мог не почувствовать (хотя не могу привести убедительных доказательств), что иностранцы, посещающие страну и указывающие на повсеместную бедность как основу для своих предсказаний близкого падения нынешнего режима, находятся на ложном пути. Во-первых, бедность настолько вошла в историческое наследие масс, что они ее не очень-то осознают, и во-вторых, существует очень большое число людей, особенно молодых, столь преданных гуманистическому и нравственному идеалу сделать свободное развитие всеобщим достоянием, что они не обращают внимания на нужду, по крайней мере не расценивают весьма стесненные условия как жертву.

Возможно я должен был быть готовым встретить такое отношение. Я и раньше часто слышал, что социальное движение в России внутренне глубоко религиозно, и я полагал, что мне это понятно. Но когда я столкнулся лицом к лицу с реальными условиями, то вынужден был сознаться, что ничего не понимаю. На это есть, насколько я могу судить, две причины. Одна из них заключается в том, что не имея раньше возможности наблюдать широкую и подвижную религиозную действительность, я не знал, в чем она может проявляться. Другой причиной было то, что я слишком ассоциировал идею Советского коммунизма как религии с интеллектуальной идеологией, с совокупностью марксистских догм, с его открыто проповедуемым экономическим материализмом, и практически не связывал ее с гуманистической направленностью. И в этом качестве я впервые ощутил ее некоторую отдаленную связь с тем, что было движущей

духовной силой первоначального христианства. Мне очень не хочется думать о том времени, которое, как чисто по-человечески кажется, неизбежно наступит, когда эта новая вера тоже исчезнет в свете повседневности и превратится в привычку и стереотип. Я готов услышать, что я преувеличиваю значение этой фазы событий. Я готов поверить, что в силу неожиданности полученных впечатлений я переоцениваю степень их важности. Но сделав эти допущения, я все-таки уверен, что нельзя понять нынешнее движение, не принимая во внимание эту почти религиозную страсть. То, что люди, проповедующие «материализм», должны быть и фактически были «идеалистами», несомненно является парадоксом, но этот парадокс показывает, что живая вера гораздо важнее символов, в которых она пытается себя выразить. Мыслительные формулы, кажется, обречены нести в себе какое-то вызывающее жалость несоответствие — они слишком подвержены случайностям истории. Но в любом случае трудно не испытывать чувство зависти к работникам образования и культуры в России, — конечно, не из-за их материального статуса, а из-за того, что объединяющая все религиозная общественная вера делает жизнь простой и целостной. «Интеллектуалы» в других странах, если они действительно искренни, имеют перед собой по преимуществу критическую задачу. В России те, кто связал свою жизнь с новым порядком, решают всеобщую и конструктивную задачу. Они органично входят в органично развивающееся движение.

Тем не менее постоянно сохраняется ощущение несоответствия между официальной советской идеологией, марксистскими доктринами и живой религиозной верой в человеческие возможности, освобожденные от уродующих их экономических условий. Пожалуй, подобные несоответствия присутствовали во всех жизнеспособных движениях прошлого. Все они имели свое интеллектуальное выражение, но использовали его в качестве спасительного убежища для эмоций. Любые предсказания относительно будущего России должны принимать во внимание это противоречие и конфликт между жесткими догмами, с одной стороны, и духом эксперимента — с другой. Пока невозможно сказать, что одержит победу. Но я не могу не предположить, что русские после ряда попыток приспособиться к существующим условиям в их естественном развитии в конце концов построят некую новую форму человеческой ассоциации. Я весьма сомневаюсь, что это будет коммунизм в том смысле, какой вкладывают в него вожди революции. Вероятно, это будет общество с высокой степенью добровольной кооперации и общественного контроля над накоплением и использованием капитала. Символы же,

как показала история и христианства, и демократии, обладают способностью упорно сохраняться и приспособляться к происходящим изменениям. Таким образом, если не произойдет какого-либо исключительного поворота в ходе событий, скорее всего его конечный итог, что бы он собой ни представлял, будет назван коммунизмом и будет расцениваться как реализация веры его первых авторов.

Образование и воспитание предоставляют материал для поразительной иллюстрации роли эксперимента в будущей эволюции Советской России. Меньше чем в ста милях от Москвы есть район, типичный для северной сельской России, в котором находится воспитательная колония Шацкого. Она является центром для четырнадцати школ, разбросанных по близлежащим деревням, которые вместе взятые составляют экспериментальную педагогическую станцию, предназначенную для выработки материалов и методов для системы русской сельской школы. Насколько я знаю, нигде в мире нет ничего подобного. Поскольку летняя колония работала, мы имели удовольствие посетить станцию и отметить результаты ее благотворного воздействия на деревни. В Москве под руководством Пистрака есть аналогичное заведение, где занимаются проблемами городских рабочих. Оно было закрыто на каникулы, поэтому не удалось получить информацию из первых рук. Но вообще оно работает очень активно и успешно. Кроме того, как я уже отмечал, в каждой области есть своя экспериментальная станция для решения специфических местных проблем. Эти учреждения находятся под контролем государства и пользуются его авторитетом и престижем. Кроме того, существует еще высший Научный совет, в составе которого есть педагогическая секция. В обязанности Научного совета входит формирование планов социально-экономического развития России. Гибкая программа строится на несколько лет вперед и разрабатывается достаточно детально на основе постоянно проводимых исследований. В этой организации по научному регулированию социального роста, созданной, вероятно впервые в мире, педагогическая секция является органической составной частью. Ее задачей является скрупулезный анализ и проверка результатов проводимых педагогических экспериментов и придание им формы, удобной для непосредственного внедрения в школьную систему страны. То, что Шацкий и Пистрак — члены этого Совета, внушает уверенность в том, что результаты, полученные на экспериментальных станциях, рассматриваются в нем с полным вниманием.

Хотя этот пример относится к сфере образования, я обращаюсь к нему, чтобы высказать следующее предположение: сколь бы жесткими и догматическими ни были марксистские символы, на реальную практику куда большее влияние оказывает экспериментальный фактор — гибкий, жизнеспособный, творческий. В этой связи стоит процитировать Пистрака, высказывания которого имеют тем большее значение, что он является преданным членом партии: «Мы не можем применять одни и те же правила к различным школам, — это противоречит самой сущности нашей школы. Необходимо развивать в учителях стремление к педагогическому творчеству, ибо без этого невозможно создать новую школу. Суждение, что педагоги — это ремесленники, а не творцы, представляется нам совершенно неправильным. Каждый человек в той или иной степени творец, и если в одиночку он не всегда может найти творческое решение проблемы, то в коллективе мы всегда творцы». Нельзя с уверенностью сказать, что этот идеал творчества уже реализован, но в то же время при знакомстве с педагогической деятельностью невольно возникает чувство, что именно этот творческий дух отмечает русских школьных лидеров в сравнении с педагогами других стран. В своей первой статье, еще до того как я близко познакомился с усилиями русских в деле образования, я писал о том ощущении жизни и освобождения, которое возникало при чисто внешнем восприятии России. Последующие контакты с системой образования, ее лидерами углубили это впечатление и оставили чувство вовлеченности в особое движение, усиливающее и направляющее общее движение освобождения.

Я абсолютно не уверен в том, что чьи-либо догадки и предположения относительно конкретных результатов современного движения в России имеют хоть какое-то значение — это уравнение со слишком многими неизвестными. И если я рискну предсказывать что-либо, то хочу обратить внимание на два существующих в России движения. Фактором исключительной важности я считаю рост добровольных кооперативных групп. В ортодоксальной теории они представляют собой промежуточную ступень на дороге к заранее предопределенной цели марксистского коммунизма. Но почему средство достижения цели не может стать самой целью, и ступень, рассматриваемая как переходная, не может определять эту цель, для меня до сих пор непонятно. Место, которое занимает крестьянин в русской жизни, необходимость учитывать его интересы и желания, сколь бы неприятно это ни было, постоянные уступки ему вопреки официальному предпочтению, оказываемому городским фабричным рабочим, усиливают уверенность в том, что наиболее вероятным будет

кооперативный, а не строго коммунистический результат. Наряду с этим фактором я бы поставил экспериментальный аспект системы образования, хотя он имеет меньшую непосредственно практическую силу. Безусловно, в школах немало доктринерства и пропаганды. Но если существующая тенденция будет развиваться дальше, я думаю, можно с уверенностью предсказать, что в конце концов это доктринерство будет подчинено пробуждающейся инициативе и мощи самостоятельного суждения по мере формирования кооперативного мышления. Кажется невероятным, что интеллектуально свободное образование не начнет воевать против рабского принятия догмы как догмы. В России постоянно говорится о диалектическом движении, заключающем противоречие в самом себе. Я думаю, что школы являются именно таким «диалектическим» фактором в эволюции русского коммунизма.

Эти замечания не умаляют значения русского революционного движения. На мой взгляд, они скорее добавляют нечто существенное для его понимания и обращают внимание на необходимость его изучения всем миром. А его нельзя изучать, непосредственно не соприкасаясь с ним. Представление о том, что шестую часть света можно постоянно изолировать и окружить «карантинным» кордоном, достаточно абсурдно, хотя последствия этого абсурда скорее трагические, чем комические. Но еще более абсурдно полагать, что животворная идея, захватившая половину населения России с силой и мощью религиозной веры, может быть отброшена в сторону и проигнорирована. Подобного рода попытка скорее всего найдет свое выражение в подчеркивании деструктивных сторон этой идеи и неспособности извлечь из нее преимущества, проистекающие из знания ее конструктивных черт. Политическое признание России со стороны Соединенных Штатов, вероятно, не пойдет пока настолько далеко, что будут установлены отношения, отвечающие интересам обеих стран и всего мира, но сегодня это является необходимым, по крайней мере предварительным шагом. Я отправлялся в Россию, не имея определенных убеждений на этот счет за исключением того мнения, что признание России было бы в русле наших лучших политических традиций. Я вернулся оттуда с ощущением того, что закрепление барьеров, препятствующих общению, знанию и пониманию двух сторон, близки к преступлению против человечности и гуманизма.

Фаза большевизма, к которой сегодня трудно испытывать особую симпатию, связана с его упором на необходимость классовой войны и насильственной мировой революции. Хотя эти черты Советской России отступают на задний план под тяжестью конструк

тивной работы, которую властям приходится делать, но дух, заставляющий их ее выполнять, питается убежденностью, что весь остальной мир враждебен Советской России, а следовательно, она должна быть готова к обороне, а лучший способ обороны — это нападение. Я не думаю, что свободное общение с остальным миром немедленно приведет к исчезновению идеи о возбуждении гражданской войны в капиталистических странах. Однако я уверен, что такое взаимное общение могло бы постепенно лишить пламя топлива, и оно бы со временем угасло. Складывается впечатление, что Третий Интернационал является худшим врагом России, поскольку причиняет ей значительный вред, отнимая у нее симпатии людей. Главное его наследство — это непризнание России. Отказ Великобритании от уже принятого решения признать Россию гораздо больше, чем что-либо, подстегнул, с одной стороны, экстремистов и фанатиков большевистской веры, и милитаризм и ненависть буржуазных наций — с другой.

Я не могу закончить эти записки, не упомянув одного момента, непосредственно в общем-то не связанного с ними. В мирные времена, как я уже сказал, Третий Интернационал причинил России гораздо больше вреда, чем остальным странам. Но если вновь разгорится европейская война, то аналогичная ситуация возникнет в каждой европейской нации. Я покидал Россию с еще более сильным ощущением преступного несоответствия занимаемым постам тех государственных деятелей, которые до сих пор играют с силами, способными породить войну. Я хочу ограничиться здесь только одним предсказанием: если начнется еще одна европейская война, то при современных условиях в каждой континентальной стране гражданская война преумножит ужасы войны международной и каждая европейская столица переживет такую бойню, по сравнению с которой померкнут самые худшие ужасы революции.

Перевод с английского М.Г.Иващенко, под редакцией Н.С.Юлиной